Гонта придет — порядок наведет?

В конце ноября в Умани был торжественно открыт памятник Гонте и Железняку — вождям Колиивщины и «авторам» Уманской резни, в ходе которой было вырезано (по свидетельству самого Гонты) до 30 000 поляков, евреев и украинцев-униатов

Странно, что именно сегодня, когда, наконец, начала формироваться украинская политическая нация, страна увековечивает столь неоднозначных персонажей прошлого. Неужели мы испытываем дефицит в героях, объединяющих, а не разъединяющих общество? Или сознательно эксплуатируем образ резуна-украинца?
Поразмышлять об этом мы попросили известного историка Игоря Щупака, религиоведа, ректора Украинского католического университета Мирослава Мариновича, главу Ваада Украины Иосифа Зисельса и предстоятеля Украинской греко-католической церкви Святослава Шевчука.

Без гнева и пристрастия?

Игорь Щупак

В Умани открыли памятник Гонте и Железняку. Именно в Умани. Информпространство бурлит эмоциями, обвинениями в адрес украинцев и антисемитскими лозунгами.

Как на это реагировать историку? Древнеримский автор Тацит провозглашал принцип «Без гнева и пристрастия». Возможно ли это? Ведь очень часто национальный герой одного народа является врагом или даже палачом другого. По-разному оценивают Чингисхана монголы и славяне, Александра Суворова — россияне и поляки.

Очень редко национальный лидер был способен подняться над интересами своего народа, понимая, что деструктивный национализм, направленный против других, в конце концов, ударит и по соплеменникам. Среди этих немногих — митрополит Андрей Шептицкий, глава Украинской греко-католической церкви, подлинный украинский патриот, организовавший спасение около 200 евреев в годы Холокоста. Недавно возведенный во Львове памятник митрополиту консолидирует общество на основе общечеловеческих ценностей.

Что касается Гонты и Железняка — никоим образом не хотел бы учить украинцев или даже рекомендовать им, каких героев чтить, кому устанавливать памятники и возлагать цветы. Но Гонта и Железняк действовали на территории, где основные этносы были представлены украинцами, поляками и евреями, поэтому полезно понимать отношение этих народов к лидерам Колиивщины и к самому движению.

У еврейского шинка.

Многие поляки следуют в русле традиции польского историка Равита-Гавронского, предвзято характеризующего украинцев в целом как «дикарский» народ, который гордится такими «добродетелями», как разбой, грабеж, кровожадность и анархистское бунтарство. Это, по мнению историка, и стало основной причиной Колиивщины.

Московской характеристике Колиивщины и ее вождей задала тон императрица Екатерина II, назвав украинских повстанцев в своей «Черной грамоте» разбойниками и ворами. Эту оценку повторяли практически все московские историки Российской империи.

Украинские историки, напротив, позитивно оценивают Колиивщину. Так, Николай Костомаров считал ее протестом против социального и религиозного гнета польских панов. Нельзя не вспомнить Тараса Шевченко, характеризовавшего Колиивщину как народное восстание украинцев против национального, социального и религиозного угнетения, а самих *колиев* (от «колоть», «закалывать») — как героев, отдающих жизнь за свой народ. Заметим, что именно в поэме «Гайдамаки» мы находим откровенно антисемитские сюжеты, смущавшие даже советских идеологов, превозносивших «революционный демократизм» украинского Кобзаря.

Советские историки пытались представить Колиивщину и всю Гайдаматчину как социальную революцию тогдашнего «пролетариата», то есть крестьян

(представителей разных национальностей), стремившихся «воссоединиться с русским народом».

Сегодня в восприятии украинцев доминирует образ Гонты и Железняка, заданный «Гайдамаками» Шевченко. При этом шевченковская героизация этих персонажей как «борцов за веру» сосуществует с их советским образом борцов против «панского угнетения». Интересно, что Гонте и Железняку приписывается сегодня и стремление к установлению государственной независимости Украины.

Говоря о еврейском аспекте истории Колиивщины, надо помнить, что в то время доступными для евреев занятиями были ремесло, арендаторство, ростовщичество, торговля и посредничество. С другой стороны, согласно Литовскому статуту 1566 г. и 1588 г., права евреев в зависимых от Польши землях устанавливались практически наравне с правами шляхты.

Особенно большой удельный вес составляли евреи среди арендаторов. Так, во владениях рода Острожских было около 4 тыс. арендаторов-евреев, а в 1616 г. более половины украинских земель, пребывавших под властью Польши, были в аренде у евреев. Нередко арендатор требовал, чтобы крестьяне работали на него по шесть-семь дней, выгоняя их в поле с помощью магнатских слуг.

Костомаров пишет: *«...Паны, ленясь управлять имением сами, отдавали их в аренду иудеям с полным правом господства над мужиками. И тут-то не было предела истязаниям... Отдавать имения в аренду казалось столь выгодно, что число иудеев-арендаторов увеличивалось все более и более, и Южная Русь очутилась под их властью. ... Крестьянам не дозволялось ни приготовлять себе напитков, ни покупать их иначе как у жидов, которым пан отдает корчму в аренду*».

Изображение социально-экономического гнета со стороны польско-еврейской верхушки в основном совпадают в украинских и еврейских источниках. Так, в широко известной еврейской хронике Натана Ганновера «Пучина бездонная» читаем: *«Православный народ все больше впадал в нищету, стал униженным и низким и превратился в крепостных и слуг поляков и даже, отдельно скажем, у евреев»; «...они были настолько унижены, что почти все народы, и даже народ, который стоит ниже всех (то есть еврейский), господствовали над ними».*

Важным фактором украинско-еврейских отношений был и религиозный. С одной стороны, христианство подпитывало антисемитские настроения; с другой, в Речи Посполитой православные подвергались огромному давлению со стороны католической церкви. Православные церкви и монастыри закрывались, пренебрежение религиозными чувствами православных и их обращение (нередко насильственное) в униатство или католицизм было обычным делом.

Поэтому в ходе народных восстаний украинцы уничтожали и ксендзов, и евреев — союзников польских панов. *«В одном костеле,* — пишет автор известной «Истории Украины-Руси» М.Аркас, — *над престолом повесили вместе ксендза, еврея... и над ними написали ...одна вера».*

При этом в украинском национальном сознании формировался стереотип еврея-угнетателя, хитрого и жадного, что вызвало жестокие преследования. *«...Самое ужасное остервенение показывал народ к иудеям,* — отмечал Костомаров. — *Они осуждены были на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменою. Свитки Закона были извлекаемы из синагог, казаки плясали на них и пили водку, потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи иудейских младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землею...*».

Разумеется, картина была бы неполной без упоминания о сотрудничестве между украинцами и евреями, полностью не прекращавшемся даже во времена войн и восстаний. Уже во время восстания под руководством К. Косинского (1591 - 1593 гг.) и С. Наливайко (1594 - 1596 гг.) среди повстанцев были евреи. Из изданной в 1697 г. во Франкфурте-на-Майне книги берестейского раввина Йоэля Серкеса известно, по крайней мере, об 11-ти

евреях среди казаков-наливайковцев, один из которых, по имени Берах, геройски погиб в бою с поляками. Сохранились факты об участии евреев-повстанцев в штурме Збаража.

О некоторых страницах истории украинско-еврейских отношений трудно говорить. Но мы обязаны выяснить предпосылки тех или иных событий и явлений, дабы избавиться как от мифов об «украинцах — погромщиках и резунах» или «евреях — эксплуататорах-угнетателях и большевиках», так и об отдельных исторических фигурах — как о «благородных народных защитниках» или «кровавых убийцах-маньяках».

Взятие Умани и устроенная там резня и сегодня по-разному оцениваются разными народами. Абсолютное большинство поляков клеймят Гонту и Железняка как разбойников и предателей. Еврейская община характеризует их как жестоких погромщиков и убийц. Украинские историки и большинство их читателей признают их героями освободительной борьбы, народными мстителями. Гонта предстает в украинской исторической памяти как мученик, заплативший страшными муками за желание освободить родной народ.

Удачную попытку объективной оценки современной историографии Гайдаматчины, Колиивщины и других подобных движений сделала ведущий украинский историк Наталья Яковенко: «... *гайдамацкий социальный бандитизм всегда был полем противостояния польских и еврейских историков с одной, и русских и украинских — с другой стороны. Первые... испытывают аллергию к «инстинктам полудикого общества», вторые — стремятся спрятаться от жестокого хода событий, возводя Гайдаматчину в ранг «народного движения против шляхетской Польши», вызванного «крепостническим гнетом» и «религиозными притеснениями».*

Каждый народ имеет право на своих героев. Но чествование той или иной исторической фигуры — в конкретном месте и конкретное время — свидетельствует об исторической и национальной зрелости народа, его способности посмотреть на эти фигуры «с другой стороны».

Поэтому возведение памятника Андрею Шептицкому во Львове — это проявление духовности и человечности. Памятник Гонте и Железняку в Умани — легитимный выбор украинцев, инициировавших его возведение, но выбор этот возмущает евреев. Возмущает и заставляет задуматься, какой месседж

несет этот шаг — в городе, где похоронены еврейские цадики, в месте паломничества десятков тысяч иудеев со всего мира.

В нашей общей истории известны фигуры евреев — Каганович, Мехлис и др., — ставших палачами многих украинцев и представителей других народов. Их известность, тем не менее, не дает оснований абсолютному большинству евреев гордиться этими зловещими персонажами.

Мне всегда было трудно понять, почему некоторые грузины гордятся Сталиным, ответственным за преступления против сотен тысяч грузин (как и миллионов других сограждан), или Берией, который лично причастен к репрессиям своих соплеменников-мегрелов и грузин.

Мне лично грустно от того, что от имени украинцев на пьедестал сегодня возводятся именно Гонта и Железняк, и именно в Умани.

Кстати, эти исторические персонажи известны не только убийством многих тысяч евреев, тысяч поляков, но и пытками и убийствами украинцев-униатов. Что думают об этом деятели влиятельной Украинской греко-католической церкви?

Принцип win-win не имеет обратной силы
Мирослав Маринович

Колиивщина, как и другие исторические события этого ряда, относится к эпохе, когда человеческими умами и душами безраздельно владел принцип «нулевой суммы» (win-lose): «моя» победа автоматически означала «их» поражение — и наоборот. Чтобы обеспечить себе место под солнцем, народы работали кулаками. Одним это удавалось лучше, другим — хуже, но «святость» этого принципа национального и религиозного эксклюзивизма

никем не ставилась под сомнение. И тогдашнее понимание патриотизма проистекало именно из осознания исключительности своей этнической группы.

Таким образом, сильные и успешные нации давно уже сформировали свой пантеон славы, где принцип «нулевой суммы» был абсолютно естественен. «Справедливость» памятника Минину и Пожарскому в Москве ни у кого не вызывает сомнения, и никто не интересуется, как это воспринимается поляками. С другой стороны, если снести сегодня в Польше все памятники, травмирующие украинское национальное чувство, то немало городских площадей опустели бы. Украинская нация лишь недавно обрела независимость, и сейчас словно наверстывает упущенное. Так, например, во Львове появился памятник казацкому вождю Подкове, и никто не спрашивал, как к этому отнесутся поляки, предки которых его казнили, или же турки или крымские татары, хотя последние являются сегодня частью украинской политической нации.

Принцип «добавочной стоимости» (win-win), когда от сотрудничества выигрывают все, — это счастливое изобретение нашего времени. Нации стали осознавать эффективность инклюзивного подхода, где учитываются интересы всех действующих сторон. Именно из этой логики исходил украинский Евромайдан, претворивший в жизнь идею политической украинской нации, где вокруг концепции человеческого достоинства группируются все этнические группы. За этой моделью — несомненное и достойное будущее Украины.

Между тем принцип «добавочной стоимости» не имеет обратной силы, поэтому нельзя «переписать» поэму «Гайдамаки» Тараса Шевченко с ее антипольскими, антиеврейскими и антиуниатскими мотивами, как не переписать, скажем, «Огнем и мечом» Сенкевича с его антиукраинскими или «Одиссею капитана Блада» Сабатини с ее антииспанскими мотивами. Они навеки останутся отражением своей эпохи — эпохи, законы которой мы сегодня пытаемся изменить на качественно иные.

Ментальные конфликты в этом случае неизбежны. Трудно представить себе, что Израиль откажется чествовать своих героев из ЭЦЕЛа и ЛЕХИ периода борьбы за независимость только потому, что они совершали террористические акты против британцев. Израильтяне чествуют их

жертвенность даже тогда, когда сами уже отказались от подобных методов борьбы.

Таким образом, для меня определяющей является концепция памятника Ивану Гонте. Если в ней отражено чествование крестьянского борца с несправедливостью по отношению к украинскому народу, то я не вижу причин для осуждения. Если же в памятнике изображены «враги», и сам он «дышит» атмосферой давней вражды по отношению к национальным, религиозным или классовым «врагам», — такая концепция должна быть отброшена как вредная для современной Украины.

Избирательная память
Иосиф Зисельс

В субботу 28 ноября в Умани был открыт памятник Ивану Гонте, одному из вождей Колиивщины — восстания украинских крестьян 1768 года на значительной части Правобережной Украины. Для многих украинцев Иван Гонта — народный герой, который, имея возможность выбора, стал на сторону своего народа в борьбе за его национальные, религиозные и социальные права против Речи Посполитой.

Но что делать всем нам — проукраински настроенным представителям национальных меньшинств с тем историческим фактом, что 20 июня, после срыва переговоров с поляками о капитуляции, которые вел Иван Гонта, началась печально известная Уманская резня, в которой погибло от двух до двадцати тысяч мирных украинцев, евреев и поляков.

Скорее всего, сам Гонта никого из уманчан не убивал, поскольку даже предвзятый польский суд не акцентировал на этом внимание. Но он был одним из вожаков восстания, полковником своей крестьянской армии и,

безусловно, нес опосредованную ответственность за смерть невинных жертв.

Думаю, почти никто из 30 000 хасидов, ежегодно приезжающих помолиться по завещанию цадика Нахмана на его могилу накануне Рош а-Шана, не знает, что именно Уманская резня и трагическая смерть тысяч местных евреев так поразила рава Нахмана, что он в своем завещании приказал похоронить его после смерти рядом с ними.

5 декабря глава УПЦ Киевского патриархата, патриарх Киевский и всей Руси-Украины Филарет собирается в Умани освятить новый памятник Ивану Гонте. Он будет молиться как раз на месте гибели тысяч мирных людей. Вспомнит он в этот момент о них, помянет в своей молитве, отдаст дань их памяти? Через неделю узнаем*.

А мы с вами, граждане Украины, которые помнят и принимают историю Родины не избирательно, а целиком и полностью, можем, хоть и с опозданием, почтить память жертв Уманской резни и установить в Умани на месте старого еврейского кладбища, где покоится их прах, другой памятник.

*Вместо Филарета в освящении памятника принял участие митрополит Черкасский и Чигиринский УПЦ КП Иоанн. «Подвиг Гонты и Железняка напоминает слова Спасителя: возлюби ближнего своего, как самого себя, — заявил владыка. — Поэтому любя свой род, любя свой народ, они пошли на этот подвиг. Память о них мы будем уважать вечно. Они всегда будут героями Украины. Сегодня современные герои Украины повторяют их подвиг и дадут отпор тем, кто посягнул на наше государство».

Герои, объединяющие общество, рождаются на наших глазах
Святослав Шевчук

С одной стороны, фигуры Гонты и Железняка олицетворяют собой пик освободительной борьбы украинского народа в ту эпоху. С другой — речь

идет о трагических страницах нашей истории, и очень важно не просто помнить о прошлом, но и делать из него должные выводы. Само открытие памятника можно приветствовать, но после этого должна начаться спокойная и серьезная общественная дискуссия, затрагивающая проблемные моменты нашей истории. Ведь и этот памятник можно трактовать и как символ раскола страны по религиозному и национальному принципу, и как попытку понять легитимное стремление украинцев творить свою национальную историю и строить независимое государство.

Эти события надо изучать, поскольку то, что замалчивается, — тем манипулируют. Самим украинцам тоже необходимо примириться со своей историей. Вспомним «Гайдамаков» Шевченко, где описана трагедия Гонты, убивающего собственных детей, отданных на воспитание католикам. Но примирение с историей означает и примирение с современностью. Необходимо искать то, что нас всех сегодня объединяет, — всех, кто чувствует себя гражданином свободной и независимой Украины.

На самом деле герои, объединяющие общество, рождаются на наших глазах, и это очень важно. Люди разных национальностей и вероисповеданий, говорящие на разных языках, но защищающие Украину сегодня и умирающие за нее, — это именно те герои, которые объединят страну.